

«ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО» В БОЛЬШОМ

«Новое слово» в хореографии, похоже, оказалось вторичным

Чуть больше года назад, в конце марта, Владимир Васильев, только что назначенный тогда на новую должность художественного руководителя — директора Большого театра, произносил в зрительном зале свою «тронную речь» перед коллегами и прессой. Тогда он сообщил, что намерен предложить пост художественного руководителя балета Вячеславу Гордееву. Среди балетмейстеров, чьи произведения Васильев хотел бы видеть на сцене Большого театра, фамилия Гордеева не фигурировала. Там были другие имена — Баланчин, Крэнко, Роббинс, Бежар, Ноймайер, Киллиан, из современных-россиян — Эйфман и Панфилов...

Но, возглавив балетную труппу Большого, Гордеев, конечно же, не ограничился только организаторской ролью. Возобновив сначала спектакль Л.Лавровского «Ромео и Джульетта» (об этой его бесспорно удачной работе «Труд» писал), он решил выступить и как балетмейстер.

На днях мы могли оценить первый его самостоятельный опыт на сцене Большого. Это вечер современной хореографии, включивший «Дивертисмент», где два малоизвестных номера в постановке Гордеева «разбавил» изумительный «Романтический дуэт» Д.Брянцева на музыку Ф.Шопена (обозначенный в программе как фрагмент из «Призрачного бала», номер этот на самом деле был создан гораздо раньше и долгое время существовал самостоятельно). К сожалению, в данном случае исполнители «Романтического дуэта» Э.Пальшина и Ю.Клевцова не прочувствовали ни своеобразие хореографического почерка Брянцева, ни поэзии настроения, ни изысканной красоты графического танцевального рисунка: словно тончайший хрусталь с ажурной резьбой подменили грубым оргстеклом. Все второе отделение занял одноактный балет Гордеева «Последнее танго» на музыку А.Пьяцоллы. Сюжет этого произведения основан на мотивах из-

вестного фильма Б.Бертолуччи «Последнее танго в Париже».

Честно говоря, мало кто из балетных критиков ждал от Гордеева «хореографического откровения»: его весьма обычные работы, показанные в прошлом сезоне на юбилейном вечере «Русского балета», энтузиазма не вызвали. Но впечатление от «Последнего танго» оказалось еще более тягостным. Балет, сделанный с претензией на некое «новое слово» в современной хореографии, безбожно затянут, утомительно однообразен и откровенно вторичен. Пластические, мизансценические и композиционные «аллюзии» (точнее сказать — просто заимствования) из отечественных и зарубежных балетов встречаются тут в буквальном смысле на каждом шагу. Чаще других можно узнать «цитаты» из спектаклей бывшего главного балетмейстера Большого Ю.Григоровича, дело которого, похоже, по-прежнему не только живет, но и побеждает в этих стенах. Нагромождение эпизодов, сюжетное значение которых едва угадывается (понятие «драматургия» к данному действу никак не применимо), выдает полное отсутствие продуманного режиссерского решения, логической выстроенности спектакля.

Впрочем, встречаются и отдельные яркие «находки», способные вдохновить разве что фельетониста. Во-первых, это гроб с телом безвременной умершей жены героя, который несколько раз проносят по сцене, причем Поль (М.Перетокин) неоднократно прыгает на этот гроб (находящийся как в горизонтальном, так и в вертикальном положении), обозначая движениями весьма недвусмысленные действия. К подобным же «находкам» относятся и назойливые появления самой «покойницы» в белом саване с сусальными цветочками (И.Семиреченская), воистину неувыдаемый образ которой (наверный не то гоголевской Паночкой из «Вия», не то потусторонней тенью из «Жизели») тревожит воображение героя.

Танцовщики Большого театра честно стараются в меру отпущенного им таланта интерпретировать сочиненные Гордеевым партии. Они, конечно же, не виноваты в том, что им приходится исполнять такую хореографию. Это их профессия, их крест. Ясно одно: главные партии в «Последнем танго», порученные Н.Грачевой, М.Перетокину, С.Филину и С.Антонову, не станут вехами в их творческой карьере.

Но, по выражению того же Гоголя, «что страннее, что непонятнее всего» — это то, как подобный спектакль вообще мог появиться на сцене Большого театра. Сцена эта, конечно, знавала далеко не только триумфы — но столь низко падения, по-моему, не было давно.

В интервью одной столичной радиостанции Гордеев, будучи явно раздосадован отрицательными отзывами прессы о «Последнем танго» (он к этому еще не привык), произнес следующее: «Ведь сейчас у нас, вы знаете, какая критика. Если она не имеет своего видения, то часто бывает тенденциозна. Вот ее попросит — она и выступит... Наша культура не может зависеть от дилетантов».

Что ж, отношения между «обидчиками»-критиками и так страшно оскорбленным ими художественным руководителем балета Большого театра, как говорится, «начинают налаживаться». Посмотрим, как они будут развиваться дальше: «Последнее танго» — вовсе не последний балет Гордеева на главной хореографической сцене страны. В апреле, в самый разгар весны, нас ждет гордеевская «Метель», вдохновленная повестью Пушкина и удивительной музыкой живого классика — Свиридова. Очень не хотелось бы, право, и на этот раз услышать от Вячеслава Михайловича упреки в «дилетантстве» и тем паче «заказном» характере критики.

Екатерина БЕЛОВА,
кандидат
искусствоведения.